УДК 94

Каменская Н.Е.

Павел I и русское дворянство: проблемы взаимоотношений

Университет информационных технологий, механики и оптики (ИТМО)

Kamenskaya N.E.

Paul I and the Russian nobility: relationship problem

University of Information Technologies

Реферат. Автор рассматривает проблему восприятия правления Павла I в различных исторических источниках. В разные времена его правление оценивалось весьма неоднозначно. В дореволюционной и советской историографии внимание акцентировалось на таких сторонах его правления, как ограничение прав и репрессии против дворян за самые незначительные проступки. За ним закрепилась репутация самодура, тирана и деспота. В данном исследовании подчеркивается, что Павел I не вписывается ни в один идеологически стройный образ правителя русской истории.

Ключевые слова: Политика Павла I, дворянство, абсолютизм, рыцарство, реформы.

Abstract. The author considers the problem of perception of Paul I in various historical sources. At various times, his reign was evaluated very ambiguous. In pre-revolutionary and Soviet historiography attention was paid to these aspects of his reign as the restriction of rights and repression against the nobility for the most minor offenses. Behind him the reputation of a petty tyrant, a tyrant and despot. This study emphasizes that Paul I do not fit in any ideologically slender image of the ruler of Russian history.

Key words: Politics Paul I, nobility, absolutism, chivalry, reform.

Пожалуй, никому из государей в нашей истории так незаслуженно не доставалось посмертных обид и поношений, как Павлу I. Ему вменялись в вину и деспотичность правления, как будто не было явных тиранов — Ивана IV и Петра I, и низкопоклонство перед прусскими образцами, как будто не были западниками императрица Екатерина II и император Александр I — мать и сын императора Павла. Его подозревали в принадлежности к масонской ложе. Его внешнюю политику объявляли безумной. До недавнего времени в исторической литературе бытовал миф об императоре Павле I, как о безумном деспоте.

Постараемся все же подойти к исторической истине объективно, проанализировав те исторические данные, которые нам известны сейчас. Например, многие из знавших близко Павла I лиц, единодушно отмечают рыцарские черты его характера. Княгиня Ли-

вен утверждает, что: «В основе его характера лежало величие и благородство — великодушный враг, чудный друг, он умел прощать с величием, а свою вину или несправедливость исправлял с большой искренностью» [1]. В мемуарах А.Н. Вельяминова-Зернова, мы встречаем такую характеристику нравственного облика Павла I: «Павел был по природе великодушен, открыт и благороден; он помнил прежние связи, желал иметь друзей, и хотел любить правду, но не умел выдерживать этой роли. Должно признаться, что эта роль чрезвычайно трудна. Почти всегда под видом правды говорят царям резкую ложь, потому что она каким-нибудь косвенным образом выгодна тому, кто ее сказал» [9]. Де Санглен в своих мемуарах пишет, что «Павел был рыцарем времен протекших» [1]. Сам же Павел I в одном частном письме сказал о самом себе так: «Для меня не существует ни партий, ни интересов, кроме интересов государства, а при моём характере мне тяжело видеть, что дела идут вкривь и вкось, и что причиною тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое!» [12]

На протяжении XIX в. царствование Павла I фактически было признано государственной тайной. Историческая наука начала XX в., когда цензурные запреты были, наконец, сняты, оказалась попросту неподготовленной к изучению павловской эпохи и к освоению всего многообразия новой исторической информации. Тем более, появилось множество мемуарно-эпистолярных свидетельств, вышедших из тех кругов русского общества рубежа XVIII—XIX вв. (столичного дворянства, военно-придворной знати, самих участников заговора), которые были острее всего задеты павловским режимом и заинтересованы в его всяческой компрометации. Естественно, что эти свидетельства были сосредоточены на самых темных сторонах правления Павла, и они вбирали в себя смутные слухи, невероятные подробности, иногда чисто легендарного и анекдотического свойства. Под их пером оно выступало как эпоха произвола и насилия, бреда и хаоса, вакханалии деспотизма, слепой прихоти и самовластных капризов, а сам Павел, неспособный к сколь-нибудь разумным и систематичным действиям, представал тираном и безумцем [8].

В самом деле, главными источниками для суждения о нем и о его делах являются мемуары и записки современников той эпохи. В подавляющем большинстве они принадлежат перу представителей русского дворянства. Между тем, беспристрастная оценка настроений этого тогдашнего правящего сословия в отношении императора Павла I должна привести нас к бесспорному заключению, что подавляющее большинство этой верхушки русского общества имело много оснований к тому, чтобы ненавидеть этого монарха и пылко желать его скорейшего устранения.

Вместе с тем, по словам поэта-критика и биографа Владислава Ходасевича: «Когда русское общество говорит, что смерть Павла была расплатой за его притеснения, оно забывает, что он теснил тех, кто раскинулся слишком широко, тех сильных и многоправных, кто должен быть стеснён и обуздан ради бесправных и слабых. Может быть, это и была историческая ошибка его. Но какая в ней моральная высота! Он любил справедливость — мы к нему не справедливы. Он был рыцарем — и убит из-за угла. Ругаем из-за угла...» [11]

Директор Института Российской истории РАН А.Н. Сахаров в статье «Династия Романовых как исторический феномен» («Независимая газета», 31.12.1997) писал об императоре Павле: «...В этой череде осторожных, осмотрительных Романовых в до — и послепетровское время выделялись, конечно, два уникальных человека — Пётр III и Павел I. Неслучайно оба они были убиты... Последние исследования, посвященные Петру III, показали, что ряд его мер был совершенно нетрадиционен для русского абсолютизма: он упразднил Тайную канцелярию, стремился укрепить дисциплину среди чиновников, наладить порядок в Гвардейских частях, упорядочить военное дело, судопроизводство и другие отрасли управления... По этому же пути пошёл и Павел I... при попытках внести уравнительность всех сословий перед государством, что, конечно же, противоречило общей умеренно-срединной линии, проводимой династией в целом... И всё это при личной порывистости, вспыльчивости, рыцарствовании, честности» [5].

Было бы неверно утверждать, что Павел всегда и во всем поступал последовательно и что все его мероприятия приносили пользу. А много ли в истории правителей, к которым в полной мере можно отнести эти качества? Разве отличаются этими качествами два самых «восхваляемых» русскими историками правителя, таких, как Петр I и Екатерина II? Но Павел I вовсе не всегда, и не во всем, был непоследовательным, как это принято считать. По поводу всех измышлений, изображавших его царствование как сочетание самодурства и произвола деспота, В.О. Ключевский писал: «Собрав все анекдоты, подумаешь, что все это какая-то пестрая и довольно бессвязная сказка; между тем, в основе правительственной политики [императора Павла — *Н.К.*] внешней и внутренней, лежали серьезные помыслы и начала, заслуживающие наше полное сочувствие» [4]. И дальше, Ключевский дает следующую историческую оценку замыслов Павла I: «Павел был первый противодворянский царь этой эпохи, а господство дворянства и господство, основанное на несправедливости, было больным местом русского общежития во вторую половину века. Чувство порядка, дисциплины, равенства было руководящим побуждением деятельности императора, борьба с сословными привилегиями — его главной целью» [4]. Конечно, употребляемый Ключевским термин «противодворянский царь», нуждается в уточне-

нии: «Павел вовсе не был противником дворянства, как благородного, высшего слоя общества: он лишь хотел положить конец своевольству дворянства, старавшегося ограничить власть царя, и привыкшего проявлять свою волю с помощью дворцовых переворотов, а во-вторых, он хотел, чтобы дворянство не только считалось высшим и благородным сословием, а и действительно стало таковым» [13].

Правление Павла Петровича длилось всего пять лет, но за этот небольшой срок наметились весьма серьезные изменения во внешней и внутренней политике России, в аппарате управления, в социальной сфере. Причины весьма противоречивых и незавершенных преобразований 1796—1801 гг. порой сводят к стремлению императора всё делать наперекор матери, но вряд ли так можно объяснить реформирование армии, отмену привилегий дворян и горожан, установление нового порядка престолонаследия, неоднозначные перемены во внешнеполитических ориентациях и т. д.

Необходимо отметить, что личная жизнь императора Павла сложилась весьма несчастливо. После своего рождения он был взят у матери и воспитывался бабушкой. После смерти императрицы Елизаветы и убийства отца Петра III, мало что изменилось в положении ребенка. Он по-прежнему жил отдельно от матери. Екатерина не любила сына от ненавистного мужа, у которого она отняла престол. Когда Павел достиг совершеннолетия, Екатерина не передала ему власть, на которую он имел права. Отношения еще ухудшились, когда у Павла родился сын Александр. Екатерина хотела передать власть не сыну, а внуку. До 42 лет Павел I прожил в двусмысленном положении законного наследника престола, без надежды получить когда-нибудь этот престол на законном основании. Эту неопределенность оборвала только внезапная смерть Екатерины.

До вступления на престол Павел выработал определенную государственную программу реформ, причем реформ вынужденных, так как царствование Екатерины II — это не только период блестящих достижений, которые действительно неоспоримы, но и время обострения глубоких противоречий в русском обществе, нарастания отрицательных тенденций в развитии России. Особенно в последние годы правления императрицы, когда в делах наступил явный застой. Нужно отдать должное Павлу — он увидел эти недостатки и после своего вступления на престол попытался исправить сложившуюся ситуацию. Но многие подданные Павла Петровича недолюбливали своего монарха, чьи непредсказуемые или непривычные действия раздражали, смущали, таили в себе угрозу устоявшемуся порядку, а значит, и личному благополучию. Большинство представителей образованных классов предпочитали жить по старинке и воспринимали отказ от традиций екатерининского правления, как опасный эксперимент. Мало кто тогда сумел понять, что за проявле-

ниями царственного самодурства и антиекатерининскими действиями скрывалось стремление — может быть, не вполне осознанное, интуитивное — по-новому управлять страной, столкнувшейся с ранее неизвестными проблемами.

Можно выделить два основных лозунга нового царствования. Первый можно выразить словами самого Павла: «Все равно мои подданные и всем я равно государь». Следуя этому лозунгу, Павел попытался вмешаться в отношения между дворянством и крестьянством. Он считал, что эти отношения устарели, и практически бесконтрольная эксплуатация крестьянства наносит вред государству. Ни в коей мере не посягая на крепостное право в целом, Павел полагал, что отношения двух основных сословий государства в новых исторических условиях, после свержения монархии во Франции, нуждаются в дополнительной регламентации со стороны императорской власти, призванной смягчить крепостнический гнет. Павел решил пожертвовать частью во имя спасения целого. Уже 12 декабря 1796 года именным указом император разрешил крестьянам подавать жалобы на своих помещиков, что было запрещено при Екатерине II. С существенной, правда, оговоркой, чтобы прошения и жалобы носили индивидуальный характер («не инако то делали, как каждый от себя, не подписываясь больше одного человека») [7]. В день коронации 5 апреля 1797 года был опубликован ставший знаменитым манифест «О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика, и о непринуждении к работе в дни воскресные», чаще называемый в литературе «Манифестом о трехдневной барщине». Весьма характерно, что уже эта первая попытка решения крестьянского вопроса вызвала непонимание дворянства.

Второй лозунг — «Жить по средствам». Активная завоевательная политика Екатерины II привела к явному расстройству финансов страны, появлению государственного долга. Павел поставил своей задачей стабилизировать положение, что ему во многом удалось. Но призыв экономить не вызвал ответного отклика у дворянства, привыкшего к совершенно иному образу мыслей и жизни в царствование Екатерины [10]. К тому же в своих действиях император часто бывал непоследователен, чему можно привести довольно много примеров. Один из наиболее ярких — общее число расходов на возведение и украшение Михайловского замка составило астрономическую для XVIII века сумму — 6 миллионов 171 тысячу 69 рублей [2]. Их с лихвой хватило бы на некоторые другие, более насущные нужды. Логика Павла понятна. Новая императорская резиденция должна была символизировать новые времена — эпоху благополучия, справедливости и законности. К несчастью для него, современники видели все в ином свете, рассматривая это строительство как очередную прихоть безумного царя.

Павел воспринимал свой императорский сан не как привилегию, а как должность, тяжкую обязанность, возложенную на него Господом. Император искренне верил, что власть ему вручена от Бога. Одним из кумиров Павла был Петр I, которому он стремился подражать даже в мелочах. Как и его великий прадед, Павел ощущал себя не только Отцом Отечества, но и отцом своих подданных, и поэтому считал себя вправе вмешиваться в частную жизнь: указывать, что носить, как говорить, когда и как работать, когда и как отдыхать. Конечно, все это делалось из лучших побуждений. Но, то, что нормально воспринималось в начале XVIII века, совсем иначе выглядело в конце его. Дворянством, в первую очередь столичным, такая мелочная регламентация казалась тиранией, нарушением прав личности и, естественно, ничего, кроме неудовольствия против императора, не вызывала. К тому же, что гораздо важнее, в обществе изменилось само восприятие императорской власти. Взгляды Павла на прерогативы власти самодержца казались архаичными после политики просвещенного абсолютизма Екатерины II и, особенно, после событий во Франции, просто неприемлемыми.

Наибольшее раздражение вызывали военные реформы Павла, особенно его политика в отношении гвардии. Император справедливо считал, что гвардия за годы царствования Екатерины II практически перестала быть армейской структурой, а превратилась в особую привилегированную придворную касту — главную движущую силу дворцовых переворотов, предотвращение которых, естественно, было одной из основных целей Павла. Его попытки укрепить дисциплину гвардейского офицерства, ввести новую форму, новые уставы сначала подвергались осмеянию, а затем стали питательной почвой для распространения заговора среди среднего и младшего гвардейского офицерства.

Один из жизненных принципов Павла: «Кому многое дано, с того многое и спросится». Павел чрезвычайно ответственно относился к своей миссии. И, будучи требовательным к себе, считал, что должен быть требовательным, в первую очередь, к своему ближайшему окружению. В отличие от извечного принципа бюрократии, в том числе и нынешней, у которой всегда виноваты низшие чины, Павел наказания начинал с высших должностных лиц, что не нравилось столичному чиновничеству, особенно высокопоставленному.

Неудовольствие и осуждение дворянства также вызывало изменение внешнеполитического курса России: разрыв с Англией и сближение с наполеоновской Францией.

Недовольство Павлом усугублялось его личными качествами. Император был, по выражению русского историка М.В. Клочкова, «человеком быстрого темпа» [3]. И такого же темпа требовал от своих подчиненных, на что не все были способны, а малейшее промедление в исполнении приказания могло повлечь серьезное неудовольствие императора.

К тому же его характеру была свойственна неустойчивость настроения. Павел не умел планомерно работать с конкретными людьми. Он не понимал, что перед ним не просто подданные, а человеческие личности. Нельзя сказать, что это целиком его вина, это его беда.

Павел не смог убедить свое ближайшее окружение в правильности своей программы, в необходимости реформ. Образовался разрыв между императором и столичным дворянством, который постепенно превратился в непреодолимую пропасть. Трагедия Павла заключалась в том, что люди, которым он безгранично доверял, предали его. Все вышесказанное позволяет утверждать, что невозможно выделить одну основную причину заговора, закончившегося переворотом 11 марта 1801 года, как это порой делалось в дореволюционной литературе [6]. Его возникновение обусловлено целым комплексом причин и обстоятельств.

Павел, верно оценивая многие насущные задачи государства (упрочение центральной власти, ограничение дворянского произвола, улучшение положения крепостных, утверждение России на европейской арене как самостоятельной силы и т.д.), смотрел на эти задачи через призму несколько романтической веры в благотворность ценностей, сложившихся в рыцарские времена. Павлу казалось (и не без оснований), что от дворянина-крепостника, злоупотребляющего сословными вольностями и уклоняющегося от служения государству, мало пользы. Ограничение своеволия помещиков было реальной задачей власти — но эта задача соединялась с надеждой на то, что полуобразованный русский барин может превратиться в бескорыстного подданного, служащего интересам трона и страны. Екатерина II правила Российской империей в течение 34 лет. Она неизменно опиралась на дворян, жертвуя ради этой опоры многими своими политическими идеями. Павел не хотел идти таким путем, не хотел поступаться представлениями о том, как должна выглядеть страна. Для достижения своих целей он должен был лишить дворян многих прав. Аристократия стала слишком независимой, и ее подчинение монарху стало номинальным. Необходимо было ослабить влияние придворных, гвардейских офицеров, дворян вообще на государственную политику. Павел начал с ужесточения правил несения службы, отменив многие привилегии сословия.

Наступление на дворянские привилегии, узаконенные Жалованной грамотой 1785 г., началось практически с первых дней павловского царствования. Уже в 1797 г. был объявлен смотр всем числящимся в списках полков офицерам, и неявившиеся уволены в отставку. Эта мера была связана с тем, что при Екатерине II существовал обычай записывать в полк малолетних дворянских детей, чтобы к совершеннолетию они уже имели офицерские чины. Также, большое число офицеров числилось больными, в отпусках и пр.

Кроме того, многие высшие сановники государства, наряду с должностями в государственном аппарате, имели генеральские чины и числились в различных, как правило, гвардейских полках. Поэтому предпринятая Павлом мера выглядела вполне разумной и справедливой, хотя и озлобила дворян. За нею последовало ограничение привилегий неслуживших дворян. Запросив в августе 1800 г. списки таких дворян, Павел распорядился большую их часть определять в военную службу. До этого с октября 1799 г. был установлен порядок, согласно которому, для перехода с военной службы на гражданскую, требовалось специальное разрешение Сената. Другим указом императора неслужащим дворянам запрещалось участие в дворянских выборах и занятие выборных должностей. В 1799 г. были упразднены губернские дворянские собрания, ограничены права уездных и, наоборот, усилено право губернаторов вмешиваться в дворянские выборы. В 1797 г. дворян обязали платить специальный налог на содержание губернской администрации, причем в 1799 г. взимаемая сумма была увеличена. Историкам известны и случаи применения в павловское время отмененных Екатериной II для дворянства телесных наказаний. Но в целом было бы ошибкой считать политику Павла антидворянской. Скорее в ней прослеживается явное стремление превратить дворянство в рыцарское сословие — дисциплинированное, организованное, поголовно служащее и преданное своему государю. Неслучайно Павел сделал попытку ограничить и приток в ряды дворянства других сословий, запретив производить их в унтер-офицеры. Представляется, что в итоге он не сумел найти достаточно действенного способа для обуздания столичной аристократии, и «борьба с дворянством» осталась незавершенной.

Немаловажное значение в деятельности Павла имела его социальная политика. Император стремился сохранить многообразие сословного строя, подчинив усилия всех единой цели — укреплению империи. Отсюда с неизбежностью следовало имеющее много аналогий в отечественной истории равное бесправие подданных, не исключавшее, впрочем, реальных преимуществ дворянства.

Павел был двойственен. Рыцарь в духе уходящего века, он не смог найти свое место в веке XIX, где прагматизм общества и относительная свобода представителей верхушки общества не могли далее существовать совместно. Общество, которое за сто лет до Павла терпело любые выходки Петра I, не стало терпеть Павла I. «Наш романтический царь», как называл Павла I А.С. Пушкин, не сумел справиться со страной, которая ждала не только усиления власти, но и, прежде всего, различных реформ во внутренней политике. Царствование Екатерины II вселило ненависть к верховной власти в податное сословие, но дворяне боготворили государыню — кто за вольности, кто за полное право распо-

ряжаться крестьянами, фактически рабами, а кто и за царивший при ее дворе либеральный дух вольтерьянства. Павел оттолкнул от себя дворянство строгостями, контролем, деспотизмом, нравственной требовательностью. И вокруг него образовалось пустое пространство. В итоге образовался заговор, и 11 марта 1801 года Павел, оставленный всеми, был убит в Михайловском замке.

Рецензенты:

Фирсов С.Л., докт. истор. наук, проф. каф. политологии СПбГУ.

Кузьмина О.В., канд. истор. наук, зав. каф. всемирной истории Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (СПбНИУ ИТМО).

Список литературы

1. Буцинский П.Н. Отзывы о Павле I его современников. Харьков, 1901. С. 26—32.
2. Казанцев С.М. О политическом режиме Российской империи в 1796—1801 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета. Экономика. Философия. Право. 1980. Вып. 1. С. 126.
3. Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности Павла I. Пг., 1916. С. 528—569.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения: в 9 т. Т. V. М., 1989. С. 124—173.
5. Независимая газета. 1997. 31 дек.
6. Окунь С.Б. Дворцовый переворот 1801 года в дореволюционной литературе // Вопросы истории. 1973. № 11. С. 34—52.
7. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIV. № 17636.
8. Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XYIII—XX в. М., 1991. С. 123—185.
9. Саблуков Н.А. Записки о времени императора Павла и его кончине // Исторический вестник. 1906. № 1. С. 32.
10. Сафонов М.М. Павел I и его время. (Проблема реформ в правительственной политике России в конце XVIII в.) // Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. СПб., 1995. С. 9—26.
11. Ходасевич В.Ф. Державин. М. 1988. С. 329.
12. Шильдер Н.К. Император Павел Первый. М. 1996. С. 533.
13. Шумигорский Е.С. Император Павел I. СПб. 1907. С. 194.